

Вологодское Центральное О-во Сельск. Хоз.

oo

Н. А. Новиковъ.

ЗНАЧЕНИЕ ИСТОРИИ

ДЛЯ КООПЕРАТИВНАГО РАБОТНИКА

И ЕЯ МЪСТНЫЕ ИСТОЧНИКИ.

2-ое издание.

ВОЛОГДА.

Типографія „Съверосоюза“

1919.

PI 1354782

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ началѣ 1917 года въ вологодскихъ кооперативныхъ кружкахъ большую популярность приобрѣла идея созданія Высшей Крестьянской Школы. Съ осени того же года группа работниковъ Вологодскаго Центральнойнаго Общества Сельскаго Хозяйства приступила къ практической разработкѣ этой идеи. Сложность и отвѣтственность поставленныхъ предъ собой педагогическихъ заданій, съ одной стороны, полное отсутствіе руководящихъ матеріаловъ и сколько-нибудь установившихся методовъ подхода къ народной аудиторіи—съ другой, заставили Лекторское Бюро Общества идти оцупью, длительными путями постановки соответствующихъ опытовъ.

Съ этой цѣлью въ 1917—1918 учебномъ году Лекторскимъ бюро былъ устроенъ рядъ курсовъ, разнившихся между собою, какъ по задачамъ, такъ и по программамъ, и по продолжительности, и по составу аудиторіи. Въ ряду этихъ курсовъ центральное мѣсто заняли трехъ-мѣсячные курсы для подготовки участковыхъ инструкторовъ по коопераціи. Программа курсовъ включала въ себя, наряду со спеціальными предметами, цѣлый рядъ общеобразовательныхъ дисциплинъ, въ томъ числѣ—русскую исторію.

Составъ аудиторіи характеризовался преобладаніемъ передовой крестьянской молодежи, уже знакомой съ коопераціей и обладающей извѣстнымъ общимъ развитіемъ. Сообразно съ стоявшей передъ руководителями курсовъ задачей созданія общественныхъ ра-

ботниковъ изъ среды мѣстныхъ, коренныхъ людей, преподаваніе было построено подѣ уломѣ господства мѣстныхъ интересовъ, мѣстной жизни, мѣстныхъ потребностей.

Автору настоящихъ строкъ пришлось взять на себя чтеніе курса русской исторіи. При построеніи своего курса онъ за отправную точку принялъ мѣстную, вологодскую жизнь и попытался нарисовать картину постепеннаго развитія жизни русскаго народа, оперируя по преимуществу съ мѣстными матеріалами. Настоящая брошюра является записью вступительной лекціи этого курса.

Сознавая всѣ недостатки своей работы, авторъ тѣмъ не менѣе счелъ себя въ правѣ сдѣлать ее достояніемъ печати, въ надеждѣ на то, что она можетъ явиться для товарищей по работѣ въ области народнаго образованія не лишеннымъ интереса матеріаломъ, какъ одна изъ попытокъ приблизить научные вопросы къ пониманію широкихъ слоевъ населенія.

Испытавшій въ полной мѣрѣ всю трудность выработки педагогическихъ пріемовъ, отвѣчающихъ даннымъ условіямъ, авторъ призналъ себя обязаннымъ дать хотя бы частичный отчетъ въ своихъ опытахъ тѣмъ общественнымъ кругамъ, которые ведутъ работу приблизительно въ томъ же направленіи. По его глубокому удѣжденію, раціональные методы работы во взрослой народной аудиторіи могутъ быть созданы единственно на основѣ коллективнаго опыта; въ этомъ смыслѣ важно знакомство даже съ чужими ошибками.

Стремленіемъ внести посильную лепту въ эту общую работу и вызвано появленіе въ свѣтъ настоящей брошюры.

Авторъ.

Значеніе исторіи для кооперативнаго работника и ея мѣствые источники.

Древняя лѣтопись гласитъ, что когда Владиміръ Красное Солнышко задумалъ отступиться отъ языческихъ боговъ и избрать себѣ повую вѣру, приходили къ нему Болгары вѣры Магометовой („Серебряные“), Жиды Козарскіе, Нѣмцы, Греческіе философы, и восхваляли каждый свое ученіе. Такъ, господа, и мы передъ вами, ищущими новой вѣры, новаго пониманія жизни, выступаемъ всякій со своимъ предметомъ, со своей наукой, настойчиво обращаемъ на нихъ ваше настороженное вниманіе и призываемъ проникнуться важностью, значительностью, необходимостью той или иной области знанія.

На мою долю выпало ознакомить васъ съ русской исторіей, и я, новоявленный болгаринъ или хозаръ, считаю своимъ долгомъ склонить ваши сердца въ сторону историческаго изученія, усиленно раскрыть передъ вами его значеніе и доказать необходимость знанія родной исторіи для всякаго человѣка, готовящагося къ общественной дѣятельности, собирающагося стать учителемъ (ибо инструкторъ прежде всего—учитель); учителемъ того самаго народа, знакомство съ прошлымъ котораго составляетъ предметъ моего курса.

Я считаю себя вынужденнымъ прежде всего отвѣтить на тотъ вопросъ, который такъ легко можетъ возникнуть у васъ—кооператоровъ въ прошломъ и будущемъ—на вопросъ о томъ, зачѣмъ въ программу кур-

совъ мы включили исторію—науку, ничего общаго съ избираемой вами спеціальностью не имѣющую. Для чего вамъ, кооператорамъ, необходимо знакомство съ исторіей?

Мы, господа, всегда смотрѣли на инструктора по коопераціи, какъ на общественнаго дѣятеля. Его профессія, спеціальность съ нашей точки зрѣнія есть ничто иное, какъ методъ, съ помощью котораго онъ можетъ проявить въ жизни свое общественное лицо, использовать свои силы въ области общественнаго творчества. Исходя изъ такого пониманія роли инструктора, мы естественно выдвигаемъ на первый планъ его общее развитіе, почему и на курсахъ нашихъ отведено столь значительное мѣсто общесобразовательнымъ предметамъ. И вопросъ о томъ, для чего исторію нужно знать инструктору по коопераціи, самъ собой вырастаетъ до размѣровъ вопроса—для чего исторію нужно знать всякому человѣку, стремящемуся получить общее образованіе.

Исторія (греческое „повѣствованіе“) — наука о томъ, какъ люди жили на землѣ съ первобытныхъ временъ, какъ они, постепенно развиваясь, дошли до своего современнаго состоянія—должна занимать одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду другихъ наукъ, служащихъ цѣлямъ общаго развитія.

Прежде всего, она учитъ насъ понимать настоящее. Знаніе прошлаго всегда—ключъ къ уразумѣнію современности. Возьмите въ примѣръ самихъ себя, свою будущую работу: инструкторъ, пріѣзжая въ кооперативъ и желая уяснить себѣ то, что происходитъ въ немъ въ настоящее время, можетъ получить вполне ясную, отчетливую картину только тогда, когда онъ познакомится съ прошлымъ кооператива, съ его исторіей. Безъ знанія исторіи онъ—беспомощный, растерянный слѣпецъ.

Равнымъ образомъ, исторія даетъ намъ надежный фундаментъ для созиданія будущаго. Вѣдь тотъ же инструкторъ, вынужденный дать въ своемъ кооперативѣ указанія о томъ, какъ слѣдуетъ вести дѣла на будущее время, можетъ сдѣлать это съ чистой душой, сознательно, безъ колебаній и сомѣнній, только въ томъ случаѣ, если онъ хорошо знаетъ всю подноготную кооператива, если онъ обстоятельно разобрался въ его исторіи. Иначе онъ—шарлатанъ, лжепророкъ, злоупотребляющій невѣдѣніемъ довѣрчивыхъ простецовъ.

Исторія воспитываетъ въ насъ гражданскія чувства, заставляетъ насъ сознавать себя частью общественнаго цѣлаго. Знакомство съ ней даетъ намъ возможность опредѣлить свою роль въ томъ сложномъ процессѣ, который называется жизнью, побуждая принять на свои плечи бремя общественныхъ обязанностей. Ибо, не зная исторіи, мы слишкомъ склонны ставить себя въ центрѣ мірозданія, видѣть въ себѣ альфу и омегу бытія, почитать себя «пупомъ земли», созданнымъ для того, чтобы брать, и только брать, дары жизни. Келья Пимена — прекрасный рецептъ противъ себялюбиваго, заносчиваго эгоизма.

Изучая исторію, мы научаемся любить народъ. Онъ перестаетъ казаться намъ холоднымъ, загадочнымъ сфинксомъ; прошлыя судьбы людей, ихъ страданія и борьба, ихъ паденія и взлеты приближаютъ насъ къ нимъ, заставляютъ наши сердца биться въ униссонъ съ сердцемъ народа (въ исторіи всегда—страдальца), пробуждаютъ въ насъ чувство горячей симпатіи и сочувствія къ нему. Припомните хотя бы Дездемону, которая «за муки полюбила» своего ревниваго Мавра.

Есть еще одно приобрѣтеніе, которое доставляетъ намъ знакомство съ исторіей: даль вѣковъ, какъ и вся-

кая даль, «манить» насъ, пробуждая фантазію и давая пищу чувству прекраснаго.

Пройдитесь тихимъ лѣтнимъ вечеромъ по-надъ Кубенскимъ озеромъ, въ виду Спаса-Наменнаго, Святой Луки, Василя Великаго на Ёдкѣ, всмотритесь въ эти безчисленные села и погосты, что раскинулись по невысокимъ его берегамъ, живо хранящимъ воспоминанія о новгородскихъ ушкуйникахъ, прислушайтесь къ устюжскимъ звонамъ, вздохните ароматомъ липоваго парка въ «дворянскомъ гвѣздѣ» гдѣ-нибудь на Комелѣ—вы живо ощутите обаяніе минувшаго, какую-то неясную тоску, и боль, и смутную радость. Въдѣ въ каждомъ изъ насъ живутъ эти романтическія струны, и старинѣ данъ волшебный даръ пробуждать ихъ время отъ времени, отрывать помыслы наши отъ злобы дня, отъ всего, что гнететъ и тревожитъ въ настоящемъ.

Я долженъ былъ бы въ заключеніе упомянуть о самой, пожалуй, главной цѣнности историческаго изученія—о значеніи исторіи, какъ науки, дисциплинирующей мысль, пріучающей умъ къ научному мышленію, но, предчувствуя полную несостоятельность моего курса въ этомъ отношеніи, предпочитаю обратиться къ не столь для меня щекотливымъ предметамъ.

Я чувствую, что мои призывы къ изученію исторіи должны натолкнуться на глухой, бессознательный, быть можетъ, протестъ съ вашей стороны. И я не ошибусь, если формулирую смыслъ этого протеста такъ: развѣ не достаточно сидѣли мы надъ зубрежкой исторіи на школьной скамейкѣ, развѣ мало было связано съ ея изученіемъ горя и униженій, начиная отъ чрезмѣрнаго утомленія и кончая единицами, безобѣдами и стояніемъ на «дресвѣ»? Для чего же теперь, когда все это—уже пройденная ступень, вновь переживать то же тягостное ощу-

щеніе томительной тоски и скуки, которое съ дѣтскихъ лѣтъ связано у насъ съ самымъ словомъ „исторія“? Исторія, это—мучительное напряженіе памяти; это—рядъ цифръ и именъ, трудно усвояемыхъ и ничего не говорящихъ ни уму, ни сердцу; это—какое-то море безсвязныхъ, изолированныхъ фактовъ, вы зубрить которые—удѣлъ немногихъ избранныхъ, и въ которыхъ неизбежно суждено захлебнуться всякому, кто не является обладателемъ семипядиннаго лба. И если въ маломъ возрастѣ претерпѣть бичи и скорпіоны исторической учебы было еще сполагоря, то теперь, когда вы—совсѣмъ взрослые люди, когда у многихъ изъ васъ есть дѣти, въ свою очередь терзаемая терніями школьной премудрости—теперь для васъ возвращеніе на школьную скамью, родную сестру скамьи подсудимыхъ, должно казаться сугубымъ, ничѣмъ не оправдываемымъ испытаніемъ. Корень ученія всегда горекъ; но во сколько разъ онъ горше, когда приходится отвѣдывать его послѣ вкушенія сладкихъ плодовъ! И развѣ не справедливо изреченіе, что отвѣдавшій сладкаго—горькаго не захочетъ!

Мнѣ очень понятно это настроеніе; вѣдь я и самъ прошелъ черезъ то же игольное ушко школьной науки, и самъ въ полной мѣрѣ испыталъ ея изсушающее, приглушающее вліяніе. Еще и теперь, когда я, казалось бы, долженъ былъ основательно отряхнуть школьный прахъ отъ ногъ своихъ, я вдругъ временами ощущаю въ своей памяти присутствіе какихъ-то Сардананаловъ и Ассурбачиналовъ, безмысленныхъ хронологическихъ датъ и именъ, которыя завязли въ головѣ торчкомъ, никчемно, безъ надобности и оправданій. Много полезнаго и важнаго успѣлъ я забыть, многое существенно необходимое навсегда вывѣтрилось изъ моей памяти, но и умирая, я, вѣроятно, безъ запинки отвѣчу, что уходя

плебеевъ на Священную гору произошелъ въ 494 году до Р. Х., а Александръ Македонскій появился на Божій свѣтъ въ ту самую ночь, когда отъ руки безумца Герострата сгорѣлъ храмъ Діаны Эфесской—одно изъ семи чудесъ древняго міра.

Курсъ исторіи, который я имѣю въ виду предложить вашему вниманію, будетъ очень далекъ отъ того, какимъ васъ пичкала школа. Вы уже достаточно отравлены Иловайскими, Беллярминовыми и иными фабрикантами казенной науки; моя задача—дать вамъ противоядіе, показать, что суть исторіи—не въ битвахъ и царствованіяхъ, а въ жизни всего народа, въ его послѣдовательномъ развитіи и ростѣ.

Часто, проходя чащами Тотемскихъ или Грязовецкихъ лѣсовъ, вы, къ изумленію своему, натываетесь на обомшѣлыя борозды—слѣды стародавней пахоты. Это—памятники подсѣчнаго хозяйства, старинной формы полевой культуры на нашемъ лѣсномъ сѣверѣ. Въ медвѣжьихъ углахъ Кадниковскаго уѣзда вы встрѣтите до сихъ поръ контящую лучину, въ той же Тотмѣ берестяные «чертопинальники», гдѣ-нибудь въ Никольскѣ домотканый «набуръ»—наслѣдіе натуральной системы, при которой крестьянинъ самъ производилъ все, что необходимо для удовлетворенія его хозяйственныхъ потребностей. Развѣ не интересно, не важно знать, какъ нашъ народъ отъ этихъ первичныхъ формъ хозяйствованія перешелъ къ теперешнимъ—сложнымъ и многообразнымъ? А вѣдь изученіе постепеннаго развитія хозяйственныхъ формъ составляетъ одно изъ отвѣтвленій исторической науки.

На Кубенскомъ озерѣ бокъ-о-бокъ стоятъ два селенія: одно съ чисто-русскимъ названіемъ—Устье Кубен-

ское, другое съ совсѣмъ чуждымъ нашему слуху—Лахмурье. Жители этихъ селеній, хотя и обитаютъ совсѣмъ рядышкомъ—имѣютъ большія отличія въ характерѣ, въ обычаяхъ. Очевидно, они—чужаки.

Въ Тимошинской волости, Сольвычегодскаго у., старушки и до сихъ поръ запугиваютъ внучатъ какой-то чудью—чуть закапризничаетъ ребенокъ, сейчасъ его чудью и приугнугутъ. И какой-нибудь дѣдушка Олешенька, собравъ вокругъ себя въ овишѣ ребятишекъ, обязательно расскажетъ имъ страховинную бывальщину. „Лѣтъ-де за 300-400 въ нашемъ мѣстѣ нѣто не жилъ, наша волость заселена изъ Ерги и изъ Заболотья. А здѣсь жила чудь. Жила она на городишѣ, гдѣ сейчасъ построена часовня Іоанна Предтечи. Чудь была вредна для народа—у женщинъ она вскрывала груди, дѣтей заѣдала на смерть. Мясгіе пытались ее уничтожить, но она заговаривалась, и тоноръ ее не бралъ. Потомъ какой-то солдатъ пріѣхалъ со службой на побывку; у него было оружіе, такъ называемый мечъ. Забрался онъ къ этой чуди въ избу и легъ подъ лавку. Чудь ходила за добычей. Пришла, ничего не замѣтила, и легла на шестокъ отдохнуть. Солдатъ всталъ изъ-подъ лавки и отрубилъ ей голову. Голова упала на полъ и заговорила: «во-ге, во де», а тулово ходило по комнатѣ и махало руками. Потомъ, какъ узнали, что чудь уничтожена солдатомъ, стали пріѣзжать изъ разныхъ селеній—Ерги, Заболотья, изъ Ягрыпской стороны. Мѣстность оказалась удобная для населенія, на самомъ угорѣ—вотъ уже теперь населилось около 5000 домохозяевъ».

Вы видите, что нашъ край изстари былъ обиталищемъ другихъ какихъ-то племенъ, этой таинственной чуди, слѣды существованія которой сохранили намъ непонятныя названія селеній и рѣкъ; мы съ вами—

пришельцы. А развѣ пришельцу не интересно знать, кто до него хозяйничалъ? И развѣ исторія не поможетъ намъ отвѣтить на эти вопросы?

Деревня Пшпалино, Гаврильцевской волости принадлежала Спасо-Каменному монастырю; село Мирносицы до сихъ поръ слыветъ Чернавщиной по имени барина Черняева, во владѣніи котораго оно находилось; лучшіе дома въ Устюгѣ строены, говорятъ, купеческими крѣпостными. Какъ все это произошло? Откуда появились «господа», купцы, монастыри-землевладѣльцы, крѣпостные, какимъ путемъ одна часть людей оказалась во власти другой, что привело къ имущественному и правовому неравенству? Изслѣдованію этихъ вопросовъ, вопросовъ развитія соціальныхъ (общественныхъ) отношеній—принадлежитъ вѣдѣнію исторической науки.

Въ Родюкинской волости, Никольскаго у., при переходѣ на новоселье, хозяйка съ хлѣбомъ-солью идѣтъ на старое цепелище и кличетъ „сосѣдушка-проходушка“ перебраться въ новый домъ.

Въ Кишпентгской волости (того же уѣзда) при потерѣ въ лѣтнее время домашняго животнаго въ лѣсъ несутъ четвертку махорки и кладутъ на распуты, чтобы задобрить „лѣснаго дѣдушку“, который завладѣлъ животнымъ. Въ Подболотной волости вы встрѣтите стариковъ, у которыхъ длинные волосы на головѣ завиты въ „плетни“. „Сусѣдко заплелъ ихъ, расчесывать нельзя, не то—осердится“.

Это все—„обломки древней правды“, старой языческой вѣры. Когда и какъ отъ нея перешли мы къ вѣрѣ въ Бога Саваога, къ теперешнимъ своимъ религиознымъ представленіямъ? Обратитесь къ исторіи—она расскажетъ.

Заберитесь въ жерноковскую Слободу, и я ручаюсь, что вы испытаете минуту легкаго конфуза: прямо середь

улицы стоит кладовая, на дверяхъ которой намалеваны нелѣпѣйшія двѣ фигуры съ растопыренными руками и ногами; а когда вы, любопытствуя, подойдете поближе, вы безъ труда прочтаете прековарную подпись: «два дурака дерутся, а третій смотреть».

Къ востоку отъ полотна Архангельской жел. дороги, пересѣкающей Кадвиковскій уѣздъ, вы можете безконечно любоваться затѣйливой рѣзбой на „пятистѣнкахъ“; „опушенный передокъ“ обычно сведенъ въ „арку“, съ полемъ, выложеннымъ разноцвѣтными звѣздами, крестиками, квадратами. Иногда изъ этихъ фигуръ составляется фамилія домохозяина, либо плотника, маляра, кровельщика, потрудившихся надъ постройкой. А то вдругъ взору вашему предстанетъ „рутожелтый“ левъ съ головой—луной и хвостомъ, напоминающимъ объ апокалипсическихъ пророчествахъ. Самое замухрышчатое „втулошное“, „волоковое“ окошечко—и то старательно обрамлено рѣзными либо расписными наличниками.

Вѣдь все это—продуктъ художественнаго творчества, стремленія удовлетворить чувству прекраснаго. И оно въ народной жизни—всюду: и въ нескладной уточкѣ-флюгаркѣ, меланхолически вертящейся надъ курной избой, и въ кокетливой обorkѣ на расшитой дѣвичьей сорочкѣ, и въ изломахъ покосившейся ветхой церковки, и въ долбленомъ пивлемъ «свсбкарѣ», и въ старательномъ наборѣ „баркунповъ-подгарковъ“ на праздничной конской сбруѣ, и въ причетахъ просватанной дѣвушки, собирающейся уходить со родимой со сторонушки „во проклятое замужьеце“, гдѣ

Три поля горя насѣяно,
Да все слезами исполивано,
Кручиной да огорожено.

Прослѣдить, въ какія формы отливались понятія народа о прекрасномъ, какъ мы постепенно отъ того же причета или былины восходили къ Пушкину, а отъ грубоватой росписи домовыхъ стѣпъ и печекъ къ Айвазовскому, Рѣпину, Верещагину—это ли не интересно, это ли не существенно? И опять-таки эта задача—задача исторической науки.

Побывайте на любомъ сельскомъ сходѣ, на любомъ общественномъ сборищѣ—въ артели или потребицѣ, въ особенности, когда обсуждаемый вопросъ крѣпко затрагиваетъ интересы части присутствующихъ—вы сквозь хрупкую корку современныхъ привычекъ и взглядовъ безъ труда разглядите лицо старославянского вѣча—изначальной формы политической организаціи, усвоенной нашими предками. Отъ вѣча къ демократической республикѣ—какой размахъ! И какое глубокое основаніе въ особенности теперь живо интересоваться исторіей нашихъ политическихъ учрежденій, смѣняемыхъ нами съ такой подозрительной легкостью и быстротой!

Въ глухой Оночисти у богатаго мужика умиралъ ребенокъ. Двѣ недѣли подрядъ, дни и ночи крикомъ кричалъ онъ, не давая уснуть никому изъ живущихъ въ домѣ, а отецъ, угрюмый, кряжистый старикъ, на всѣ просьбы домашнихъ отвезти ребенка въ больницу, отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ: дорога худая, а лошадь не кована—еще испортишь. Намъ съ вами, признающимъ, что человѣческая личность есть самая большая, не имѣющая соперниковъ, цѣнность—подобный взглядъ неминуемо долженъ показаться грубымъ, дикимъ, неестественнымъ. А между тѣмъ оночистенскій мужикъ—далеко не исключеніе, не выродокъ; напротивъ, онъ довольно полно и вѣрно отразилъ въ себѣ старинныя

нравственныя воззрѣнія русскаго человѣка. Эти воззрѣнія замѣнились или замѣняются другими; историческая наука и стремится изучить эти измѣненія, выяснить, въ какую сторону направлено развитіе нравственныхъ понятій русскаго народа, какіе въ этомъ отношеніи этапы имъ пройдены, какіе идеалы созданы.

Колдунья—„тета“ въ Оларевской волости, въ жарко-нагрѣтой „зимовкѣ“ со стѣнами, увѣшанными „душникомъ“ и другими цѣлебными травами, угощая меня „бутылочными“ рыжиками и отборной заговоренной клюквой, рассказала мнѣ старую сказку о трехъ китахъ, на которыхъ уставлена наша земля. Эти киты—одна изъ попытокъ народа осмыслить явленія міра, получить точное о нихъ знаніе, создать науку о природѣ.

Съ тѣхъ поръ, какъ предки наши водрузили землю на китовый фундаментъ, много воды утекло. И тенерешняя наука уже перестала въ немъ нуждаться. Она выросла, развила, обогатилась. Когда, какъ, чѣмъ?—Исторія дастъ вамъ на эти вопросы полный и точный отвѣтъ.

Есть въ Грязовецкомъ уѣздѣ любопытный уголокъ—Лискій Волокъ. Частенько, особенно праздничной порой, вы можете наткнуться тамъ на поучительную картину: „ребята гуляютъ“. Съ гикомъ, съ гакомъ, ухарски заломивъ на бекрень картузы или шапки, въ щегольскихъ сапогахъ и цвѣтныхъ кричащихъ рубашкахъ съ шелковыми кистями поясовъ, бродятъ эти оравы изъ деревни въ деревню, изъ села въ село. Дѣвицы, завидя ихъ, млѣютъ, прохожій человѣкъ пугливо жметъ къ сторонкѣ, а старуха-старовѣрка озлобленно отшлепывается, печалуясь о судьбахъ человѣчества, прелестями антихристовыми плѣннаго.

И всегда одна и та же неизбежная гармошка, съ единственнымъ «отвори-затвори» въ репертуарѣ, и все тотъ же дикій молодецескій присвистъ, и уханье, и безшабашные, раздирательные куплеты:

Мы ребята—ежики,
По карманамъ ножики.

Ножикъ этотъ сплошь и рядомъ появляется на сцену при сведеніи счетовъ и взаимныхъ неудовольствіяхъ. Онъ—основа права: онъ—наиболѣе сильное изъ средствъ убѣжденія. «Око за око» царитъ здѣсь совершенно полновластно. И старшіе не находятъ въ этомъ ничего предосудительнаго: наоборотъ, поднятый ножъ свидѣтельствуемъ въ ихъ глазахъ о „бойкости“ молодца, вызываетъ своеобразное любованіе и уваженіе. Право силы ни въ комъ не возбуждаетъ сомнѣній. Доведись—за ножи возьмутся и сами мужики.

Попробуйте, посадите горохъ около дороги—вы не оберетесь хлопотъ и огорченій. Каждый прохожій сочтетъ своей пріятной обязанностью пощипать его въ мѣру аппетита. И никто этого не осудитъ, никто въ этомъ не увидитъ даже подобія преступленія. А, между тѣмъ, этотъ же самый прохожій готовъ чистосердечно возмущаться, когда услышитъ, что проворный мальчишка утянулъ изъ кармана у базарнаго ретозья ломаный, вытертый грошъ. Отчего это такъ? Вѣдь законъ одинаково смотритъ и на щипаніе гороха, и на присвоеніе гроша.

Законъ, а не народъ. У народа свои воззрѣнія на право—воззрѣнія, создавшіяся раньше закона и очень часто съ нимъ совершенно не схожія. Они возникали и развивались подъ очень разнообразными вліяніями, и исторія измѣненія правовыхъ воззрѣній народа для насъ не можетъ остаться безразличной.

Я сознательно остановилъ ваше вниманіе на этомъ рядѣ наудачу выбранныхъ фактовъ, чтобы помочь вамъ составить себѣ болѣе ясное представленіе о задачахъ исторіи. Мы должны признать, что внѣшними событіями, надъ которыми чахли мы въ школѣ, далеко не исчерпывается содержаніе исторіи; напротивъ, на первомъ планѣ ея стоятъ явленія внутренней, культурной жизни народа, въ самыхъ разнообразныхъ ея проявленіяхъ. Хозяйственный бытъ, составъ населенія, социальныя отношенія, религія, искусство, политическія учрежденія, нравственность, наука, право, въ ихъ послѣдовательномъ развитіи и измѣненіи—вотъ что должно привлекать вниманіе историка, вотъ въ чемъ заключается центръ еѳо интересовъ и устремленій.

Къ этому мы и должны теперь обратиться.

Первый вопросъ, который рождается у насъ при подходѣ къ сложному зданію исторической науки, это—вопросъ о томъ, откуда добывается матеріаль для еѳо постройки, изъ какихъ источниковъ получаетъ исторія необходимые ей свѣдѣнія и факты. Вопросъ этотъ—не праздный, въ особенности для насъ, русскихъ людей, которые своимъ прошлымъ интересоваться положительно не умѣютъ и которые—разрушители по натурѣ—съ легкимъ сердцемъ проходятъ мимо этого матеріала, не замѣчая его, и въ блаженномъ невѣдѣніи предають его самому варварскому, беспощадному истребленію.

Источники историческаго знанія весьма разнообразны, какъ разнообразна и сама породившая ихъ жизнь народная. Обычно принято раздѣлять ихъ на три основныя группы: источники письменные, вещественные и устные. Попробуемъ нѣсколько ближе познакомиться съ ними; начнемъ съ письменныхъ.

Громадную услугу исторической наукѣ оказываютъ такъ называемыя лѣтописи; для историковъ онѣ—сущій кладъ; не будь ихъ, мы бы не знали о прошломъ нашего народа и половины того, что намъ извѣстно теперь.

Поздняя осень. По дорогамъ непролазная грязь. Сѣрое, хмурое небо. Дождь, вѣтеръ, холодъ. Унылыя пожни, голыя поля. Нигдѣ ни души человѣческой. Посреди деревушки остановилась понурая лошадка; лохматый, диковатаго вида монахъ, привычной ногой ступая по разлившимся лужамъ, бродитъ отъ избы къ избѣ, постукивая суковатымъ вересовымъ посохомъ въ оконце, и осипшимъ голосомъ нараспѣвъ выводитъ жалобную просьбу—подать „нови, сѣнца лошаdkѣ на пропитаніе, во имя святыхъ угодниковъ“. Это—изъ монастыря, сборщикъ милостыни.

Попытайтесь подсчитать, сколько проходитъ ихъ за годъ черезъ каждую деревню, и вы будете прямо изумлены. Вотъ Токарево, Оларевской волости. Не говоря уже о мѣстномъ причтѣ, собирающемъ подаваніе девять разъ въ году, оно одѣляетъ своимъ хлѣбомъ и «перепечьемъ», овсомъ и сѣномъ—и Семигородній Кадниковскаго уѣзда монастырь, и Лопотовъ, и Глушицкій, съ его сосѣдомъ—Покровскимъ. Прилуцкій, Духовъ, Дѣвичій, Павла Коломенскаго, Корнильевъ, Исаковская пустынь, Горицы, Заіоникіево, Сяма, Спасъ-Каменный, Александровская пустынь—всѣ они питаются отъ щедротъ токаревскаго мужика, при чемъ иные, не ограничиваясь сборомъ очередной милостыни, устраиваютъ спеціальныя хожденія съ иконой, а какой-нибудь Дѣвичій Вологодскій монастырь производитъ сборы въ особицу на три придѣла—Николая Чудотворца, Сергія Радонежскаго, Троицы.

Мужикъ кряхтитъ, сердится, ругаетъ монаховъ дармоѣдами, а посильную милостыню подаетъ имъ безъ отказа. Такъ повелось издавна, и теперешнія дани являются живымъ свидѣтельствомъ того, что когда-то между монастыремъ и деревней существовали иныя, чѣмъ нынѣ, болѣе тѣсныя и близкія связи.

Такъ оно и было. Древне-русскій монастырь, возникавшій обычно среди непроходимыхъ топей и дремучихъ вѣковѣчныхъ лѣсовъ, не могъ не быть въ глазахъ сѣвернаго жителя своего рода культурнымъ центромъ, откуда къ нему исходили не совсѣмъ привычныя вѣянія и взгляды.

Пути спасенія многообразны. Иные изъ пустынножителей принимали на себя подвигъ изнуренія плоти, поста и бодрствованія, иные сносили сугубые труды, ратоборствуя съ лѣсными зарослями и пнищами, иные уходили въ затворъ, впадали въ Христа-ради юродство. Были и такіе, всѣ помыслы которыхъ сосредоточивались на священномъ писаніи, на чтеніи и переписываніи боговдохновенныхъ книгъ.

И вотъ случалось, что тотъ или иной изъ братіи—человѣкъ, въ книжномъ почитаніи искушенный—начиналъ вести погодною—, по лѣтамъ—запись обо всѣхъ наиболѣе замѣчательныхъ событіяхъ и явленіяхъ,

Да вѣдаютъ потомки православныхъ
Земли родной минувшую судьбу.

Содержаніе лѣтописей, которыя, помимо монастырей, велись и при нѣкоторыхъ церквахъ и просто охочими людьми изъ грамотѣевъ, касается самыхъ разнородныхъ предметовъ. Нашествіе непріятеля, гладь, трусь, потопъ, моровая язва, знаменія небесныя, хромозиждительство, кончина замѣчательныхъ людей—все въ равной мѣрѣ привлекаетъ вниманіе лѣтописца. Иногда онъ пускается

въ пространныя разсужденія, а больше всего рассказываетъ попросту, «не мудрствуя лукаво»: въ лѣто отъ Рождества Христова 1549 «Божьимъ попущеніемъ, а совѣтомъ дьявольскимъ, въ бытность намѣстникомъ на Устюгѣ Михаила Щенятева, смутившеся людіе града Устюга Великаго, возстали другъ на друга и много домовъ разграбили, многихъ и чловѣкъ смерти предали, но все ихъ междоусобіе царь Іоаннъ Васильевичъ прекратилъ».

Многочисленныя обители, разбросанныя по глухимъ угламъ Сѣвернаго Края, по всѣмъ этимъ Нурмамъ, Обнорамъ, Комеламъ, Пельшмамъ, Глушицамъ, Коштамъ, Сойгамъ и инымъ, великимъ и малымъ, рѣкамъ и озерамъ, искони славились дивными своими подвижниками, всесвѣтлыми свѣтильниками, всеблаженными и богомудрыми угодниками, благочестно подвизавшимися въ пучинѣ житейской, явившими грѣшному міру недосягаемые образы смиренномудрія и равно-ангельскаго, благоуханнаго, неувядаемаго въ славѣ житія. Даже намъ съ вами извѣстны имена Дмитрія Прилуцкаго, Корнилія Комельскаго, Павла Обнорскаго, Іоасафа Каменскаго, а наши предки, неизмѣримо ближе насъ связанные съ кругомъ церковныхъ интересовъ, обладали въ этомъ отношеніи значительно большей освѣдомленностью. Жизнь рисовалась имъ тѣсной стремниной, исполненной всяческихъ злоплевельныхъ козней дьявольскихъ. Важно было соблюсти свою душу отъ гибели, а какъ это сдѣлать—до этого не всякій могъ дойти самостоятельно. И древне-русскій чловѣкъ всегда находился подъ угрозой смертельной опасности: живешь, живешь, а покончишь счеты съ браннымъ земнымъ существованіемъ—и вдругъ ожидаетъ тебя суровый приговоръ небожителей, такъ прекрасно выраженный въ распѣваемой по Благовѣщенской волости „великопостной былинкѣ“:

Этой-то душенькѣ спасеньица не будетъ,
 Ей не будетъ, не будетъ, не бывати,
 Противъ Царскихъ-то вратъ не стояти,
 Ей Христова лица во глаза не видати,
 Колокольнова звону не слыхати,
 Ей горить-то въ огнѣ во горючемъ,
 Ей кипить во смолѣ во кипучей.

Вѣдь, и Аника-воинъ, могилку котораго намъ укажутъ въ 8 верстахъ отъ Вологды, чуть-чуть въ сторонѣ отъ Кирилловскаго тракта, такъ же вотъ грѣшилъ и бахвалился, пока не предстала ему воочию «престрашна смерть-матушка». Спихватился тогда, да ужъ поздно.

И безпомощная душа жаждетъ опоры, ищетъ примѣра, подражаніе которому было бы вѣрнымъ средствомъ получить вожелѣнное пристанище въ лонѣ Авраамовомъ.

Тутъ-то и появляются на сцену житія святыхъ, угодниковъ и праведниковъ, откуда можно почерпать готовые образцы добродѣтели и подвиговъ христіанскихъ. Житія эти были любимымъ душеспасительнымъ чтеніемъ нашихъ предковъ, и недаромъ ими такъ изобилуетъ старая русская письменность.

Предложеніе опредѣляется спросомъ. И вотъ въ одномъ только сборникѣ житій святыхъ, подвизавшихся въ Вологодской епархіи, вы находите 75 именъ угодниковъ, прославляемыхъ всею церковью и мѣстно-чтимыхъ. А въ него не вошли житія еще по крайней мѣрѣ 8 святыхъ, имена которыхъ можно встрѣтить въ древнихъ рукописныхъ святцахъ и на старинныхъ иконахъ. Нѣкоторыя изъ этихъ житій имѣютъ очень давнее происхожденіе; составители ихъ, славослова какого-либо подвижника, нерѣдко прибѣгаютъ къ довольно подробнымъ описаніямъ тѣхъ или иныхъ обстоятельствъ его жизни—кстати сказать, иногда исполненнымъ своеобразной кра-

соты; такъ, въ житіи блаженнаго Проконія Устюжскаго читаемъ—„нѣкоего года бысть зима паче иныхъ зимъ лютейша, мразу нестерпимому стужающу, и вѣтру дыхающу бурну, спаде же тогда и снѣгъ превеликій, яко и храминамъ многимъ засыпаннымъ быти отъ него и мнози челоуѣцы и скоты не токмо въ путѣхъ, но и во градѣ и весѣхъ номерзаху, и птицы мертвы на землю падаху, и ниши терпяху бѣду велію ствещае и трясуцеса, и множайшии отъ нихъ изомроша“...

Бытовыя черты и фактическій матеріаль, разбросанный въ старыхъ житіяхъ, дѣлають ихъ очень цѣнными для историковъ; какъ сами святые являются отображеніемъ духовнаго состоянія народа, такъ и ихъ житія отражаютъ народную жизнь въ ея казовыхъ и неприглядныхъ сторонахъ, ярко подчасъ проступающихъ сквозь превыспреннія, замысловатыя краски славословія и прославленій, на которыя столь щедры ревностные почитатели—святотписцы.

Не гораздъ былъ грамотѣ русскій челоуѣкъ. Разспросите ка старожила съ Верхволгоды, какъ обходились въ старину съ дѣлами, требующими познаній по письменной части—онъ расскажетъ вамъ много поучительнаго. Вотъ „магазинный староста“ со своей неизмѣнной „вичкой“, на которой имъ дѣлаются нарѣзы, по количеству завезенныхъ мужичками четвертей или четвериковъ хлѣба—черезъ девять палочекъ десятый крестикъ. Такія же отмѣтки и въ „магазинной книгѣ“, и въ оброчныхъ книжкахъ, находящихся на рукахъ у крестьянъ. А вмѣсто подшиши—три жирныхъ креста.

Вотъ „чернева“—отмѣтка, дѣлаемая ткачихой на кромкѣ основы, чтобы знать, сколько „стѣнъ“ и „столовъ“ она выткала. Вотъ „пятна“—знаки, вырѣзываемые на дернѣ владѣльцами полосъ при мелко-и через-

полосицѣ. У одного „дуга“, у другого „скамейка“, у третьяго «птичья ножка», у четвертаго «волока» — приспособленіе для перевозки сохи на подобіе буквы „А“. Всякій твердо знаетъ свое фамильное „пятно“, и никто не собьется, не спутаётся, какъ бы ни были разбросаны въ полѣ мелкія, одна въ другую, полоски.

А вотъ сложнѣйшая процедура расчетовъ, изобрѣтенная овчинниками, принимающими отъ крестьянъ шкурки для выдѣлки. Вамъ, постигшимъ всѣ тонкости современной бухгалтеріи, не мѣшаетъ обратить вниманіе на эту систему — прабабушку счетоводной премудрости. Пріѣзжаетъ такой овчинникъ въ деревню, оповѣщаетъ народъ и начинаетъ приѣмку овчинъ. Съ нимъ все та же „вичка“ — ивовый пруть, — служащая одновременно нѣсколькимъ дѣламъ: ей и отъ собакъ отбиться удобно, и подпереться на скользкомъ мѣстѣ, она же положена и въ основаніе овчинной бухгалтеріи. Приноситъ мужикъ шесть шкурокъ; овчинникъ на каждой изъ нихъ, на одной изъ лапокъ пробиваетъ по шесть дырочекъ. А затѣмъ, отрѣзавъ отъ вички «жеребеекъ» вершка въ полтора размѣромъ, счищаетъ кору съ одной его стороны и дѣлаетъ шесть нарѣзовъ; расколовъ жеребеекъ пополамъ, такъ, чтобы на обѣихъ половинахъ сохранились слѣды отмѣтокъ, онъ одну половинку вручаетъ собственнику овчинъ, а другую привязываетъ къ шкуркамъ, которыя и идутъ въ совмѣстную съ чужими обработку. Когда же дѣло сдѣлано, кліентъ является снова и предъявляетъ выданную ему деревянную расписку. Овчинникъ разыскиваетъ шкурку съ соответствующимъ «корешкомъ квитанціи», складываетъ обѣ половинки, чтобы удостовѣриться, совпадаютъ ли значки — и вопросъ считается исчерпаннымъ.

Но одними жеребейками да пятнами крестьянинъ даже въ очень далекія отъ насъ времена никакъ не

могъ ограничиться: ему приходилось вступать съ государствомъ, съ церковью, съ владѣльцами земли въ самыя разнообразныя отношенія, при которыхъ на него накладывались тѣ или иныя обязательства. А это неизбежно вызывало появленіе на Божій свѣтъ всякаго рода письменныхъ документовъ: подати, имущественныя и земельныя отношенія, торговыя сдѣлки—все это требовало документальныхъ подтвержденій и закрѣпленій. Такіе документы и книги, дошедшіе до нашего времени въ довольно большомъ количествѣ, позволяютъ историку очертить четкій образъ хозяйственнаго быта старой Руси; писалъ когда-то въ 16 вѣкѣ митрополитъ Даніилъ: «пожаловалъ есми изстариннаго своего крестьянина Деметья, Мелетія Нестерова сына Навикова, Филимонова внука... своими митрополичими деревнями въ Вологодскомъ уѣздѣ... деревнею Вондажскою, да деревнею Фотиньевскою, да деревнею Маривоновскою, да деревнею Онцыферовскою и съ селищи, и съ пустоши, и съ лѣсы, и съ луги, и съ пожнями, и съ озеры, и съ рѣками, и съ болоты и со всѣми угоды, что къ тѣмъ деревнямъ и селищамъ и къ пустошамъ изъ старины потягло»... А историкъ на основаніи этихъ писаній имѣетъ возможность вывести опредѣленныя заключенія хотя бы о взаимныхъ отношеніяхъ между монастырями и крестьянствомъ въ области пользованія землею.

Богатый матеріалъ для знакомства съ прошлымъ нашей земли доставляютъ записки и воспоминанія заѣзжавшихъ на Русь иностранцевъ. Къ намъ на сѣверъ они провѣдали дорогу давненько, то по торговымъ дѣламъ, то при какихъ-либо посольствахъ; англичане, на-примѣръ, всегда очень интересовались сѣвернымъ ленкомъ, ради котораго они не боялись ни дальнихъ путешествій, ни холодовъ и невгодъ шолудикой Бѣлой Сар-

матіи, какъ у нихъ назывался теперешній сѣверъ Россіи. Не мало иностранцевъ и навсегда застревало въ нашихъ краяхъ. Многимъ изъ васъ, вѣроятно, извѣстенъ домикъ Петра Великаго на берегу рѣки Вологды, подлѣ церкви Θεодора Стратилата; а вѣдь это мѣсто когда-то принадлежало „Голландской земли торговому иноземцу Ивану Алферьеву сыну Гоутманъ“, гдѣ стояли у него и хоромы, и погреба, и кладовые амбары, и даже пивоварня.

И въ запискахъ того же Джиля Флетчера, путешествовавшаго по Россіи въ самомъ концѣ 16 столѣтія, вы найдете указанія на солеваренный промыселъ въ Тотмѣ, на добываніе железа въ Устюгѣ, а иной разъ наткнетесь на цѣлую картину, рисующую горькій удѣлъ старинныхъ обитателей сѣвера: „...по дорогѣ къ Москвѣ, между Вологдой и Ярославлемъ... встрѣчается, по крайней мѣрѣ, до 50 деревень... совершенно оставленныхъ, такъ что въ нихъ нѣтъ ни одного жителя“...

Помимо лѣтописей, житій святыхъ, старинныхъ документовъ, записокъ иностранцевъ, исторической наукѣ великую службу служатъ разнаго рода старыя книги, письма, воспоминанія и др. источники. Ихъ еще много сохранилось до сихъ поръ, но бѣда наша въ томъ, что мы, не понимая всей ихъ важности, расточаемъ ихъ безъ малѣйшаго зазрѣнія совѣсти.

Припомните нашихъ общихъ старыхъ друзей—деревенскихъ ребяташекъ. Любимое ихъ лѣтнее удовольствіе—пускать змѣй, со всякими затѣями и выкрутасами, съ трещетками и длиннымъ мочальнымъ хвостомъ. Бумаги нѣтъ—не бѣда: тамъ, за божницей, завалились отъ дѣдовскихъ временъ какія-то синія бумаженки, писанныя по-старинному, гусинымъ перомъ, съ великимъ изобиліемъ завитушекъ и росчерковъ. Кому онѣ нужны! Тащи ихъ сюда: для змѣя—самое подходящее дѣло!

Дрова сырыя, печка не топится, пироговъ не на чемъ испечь—старая бабка не тужить: знаетъ она, что въ чуланѣ, либо на вышкѣ всегда можно найти старинной печати книгу, запасливо припрятанную хозяйственной рукой для всякихъ домашнихъ оказій. Толку отъ нея все равно нѣтъ, а пшеничный пирогъ съ треской или „губиной“ въ золѣ мараť вовсе не годится.

Ѣдимъ мы бабкину стряпню, ѣдимъ—похваливаетъ. И никто изъ насъ ни разу не задумается, какой цѣной покупается она, никто и въ мысляхъ не поимѣетъ, что въ жертву нашему чревоугодію приносятся, быть можетъ, драгоценнѣйшіе историческіе документы.

Вторая группа источниковъ—вещественные. Имъ тоже богатъ нашъ сѣверъ.

Гналъ пастухъ изъ деревни Сорочинской, Вожегодской волости, стадо на водопой; разыгрались дорогой молодыя коровенки. Одна, порѣзвѣе, забѣжала на пенникъ и давай взрывать землю рогами. Зазвенѣло что-то: пастухъ подскочилъ, глядь—кубышка разбитая валяется. А вокругъ все деньги, все серебрушки, да чудныя все какія-то, съ разводами: видно, писано что-то, да не по-нашему.

Не мало такихъ кладовъ найдено, а еще больше разговоровъ про нихъ между народомъ ведется. Въ рѣдкой волости вамъ не расскажутъ о кладѣ, зарытомъ то разбойниками, то „нанами“, гулявшими по сѣверу триста лѣтъ тому назадъ, а то и простымъ человѣкомъ, спасавшимся отъ нановъ либо разбойниковъ. Кое-кто изъ стариковъ хранить, какъ зеницу ока, перешедшее по наследству сокровище—„роспись“, особую бумагу, въ которой явственно рассказано, гдѣ этотъ самый кладъ зарытъ, и какой на него зарокъ положенъ, и какъ къ нему сподручнѣе приступить. И ходятъ по этимъ росписямъ, роютъ, иногда цѣлыя состоянія просаживаютъ.

Историки интересуются кладами ничуть не меньше, чѣмъ счастливые обладатели росписей: вѣдь, почти всякій такой кладъ проливаетъ новую полосу свѣта на прошлое страны, давая иногда возможность получать совершенно неожиданные выводы о культурномъ уровнѣ жителей данной мѣстности въ ту или иную эпоху, о торговыхъ ихъ связяхъ, о состояніи промышленности и многомъ иномъ, не менѣе интересномъ для ученаго изслѣдователя.

Въ Палемской волости, Велико-Устюгскаго уѣзда, весьма распространена фамилія Агафоновыхъ. О корнѣ ихъ рода существуетъ разсказъ, когда-то будто бы переданный «лѣтописью», теперь безвозвратно погибшей: верстахъ въ 35 отъ Устюга, по правому берегу рѣки Лузы, расположено село Городокъ, одно изъ самыхъ древнихъ въ этой мѣстности поселеній. Близъ него, на самомъ берегу, неподалеку отъ озера, выступаетъ высокій мысъ, обрѣзанный съ двухъ сторонъ оврагами, а съ третьей—глубокимъ рвомъ. Въ этомъ городищѣ, по преданію, вѣкогда находилась церковь во имя Николая Чудотворца, а само оно было сильно укрѣплено бревенчатыми срубами. Въ одинъ прекрасный день къ городищу на лодкахъ подѣхала шайка разбойниковъ, имѣвшая намѣреніе ограбить церковь. Ожидая сопротивленія, разбойники не спѣшили: разложили себѣ на бережку передъ стѣнами костеръ, сварили кашу и сѣли обѣдать. Вдругъ они видятъ: на крышахъ храма самъ Николай Угодникъ, въ священническихъ ризахъ, благословляетъ защитниковъ отстаивать церковь до конца. „Не торопись, закричали разбойники, дай поѣсти, и тогда будешь въ нашихъ рукахъ“. И тутъ же мгновенно всѣ разомъ ослѣпли. Страхъ на нихъ напалъ несказанный; взмолились они къ Николаю Угоднику, прося о пощадѣ,

и онъ, великій милостивецъ, снизошелъ къ нимъ, покаявшимся во грѣхахъ, и вернулъ имъ утраченное зрѣніе. Нѣсколько человѣкъ изъ шайки рѣшили остаться въ Городкѣ навѣчно; трое оставшихся носили фамилію Агафоновыхъ—отъ нихъ-то и распространилась фамилія эта по всей Палемской волости.

На высокомъ берегу рѣки Стрѣлицы, съ капризными изломами и поросшими йвнякомъ омутами, близъ церкви Спаса-Преображенья, можно разыскать полураспаханный, зеленѣющій мшистыми кочками косогоръ, на которомъ мирно пасутся шершавыя деревенскія буренки и пеструхи. Это—„убожина“, „убогій домъ“, мѣсто послѣдняго упокоенія самоубійць и опившихся—„кои задавящіе или запитущіе“. Раньше росъ тамъ среди могилъ соснячекъ, и старые люди прекрасно помнятъ, какъ по ночамъ межъ деревьевъ „попугивало“, „свѣчи ходили“—блуждали болотные огни.

Остатки древнихъ поселеній и укрѣпленныхъ мѣстъ, городища, могильники, курганы—игралаща разнообразнѣйшихъ сверхъестественныхъ силъ—вокругъ которыхъ клубомъ свиваются поэтическія преданія и легенды, чрезвычайно обогащаютъ историка, доставляя ему матеріаль, полный высокаго научнаго интереса. А вѣдь пожаловаться на недостатокъ такихъ памятниковъ мы, сѣверяне, никоимъ образомъ не можемъ: стоитъ припомнить многочисленныя «городки» по Двинѣ и ея притокамъ, таинственныя «чудь-гу» („чудскія могилы“) въ Устьезыольскомъ уѣздѣ, красавицу—Кокшеньгу, съ ея крѣпостцами, валами и насыпями.

Не можемъ мы пожаловаться на недостатокъ и иного рода вещественныхъ памятниковъ старины—сооруженій церковныхъ. Они—неизбѣжная принадлежность древнерусскаго сѣвернаго пейзажа. Не напрасно молвилось

старое присловье, что «отъ Вологды до Колы семьдесятъ двѣ Николы». И недаромъ вы, вчитываясь въ страницы писцовыхъ книгъ, безстрашно живописующихъ состояніе тогдашнихъ населенныхъ мѣстъ, то и дѣло натываетесь на такія, примѣрно, строки:

„Въ Устюжскомъ уѣздѣ волость Утмановская, а въ ней погостъ на рѣкѣ на Югу, а на погостѣ церковь Николы Чудотворца деревяна, шатровая; въ церкви царскія двери, столпцы и сѣнь писаны на краскахъ; надъ царскими дверьми въ тяблѣхъ дѣисусъ на тринадцатидскахъ на празеленѣ да въ тяблѣхъ же пророки и праотцы да вверху Спасъ со ангелы писаны на краскахъ; образъ Николы Чюдотворца обложенъ серебромъ, басмою; вѣнецъ да шестнадцать гривенъ большихъ и малыхъ серебряные подъ золотомъ да три креста да пристежь жемчужная маленькая“...

„Въ той же волости Сосновець городъ, старая осыпь на рѣкѣ на Енталѣ, а въ немъ церковь соборъ Архистратига Михаила деревяна холодная“...

Эти сѣренкія деревянные церкви, рубленныя по старинному изъ кондовой, въ три обхвата, сосны, являются предметомъ самаго почтительнаго вниманія со стороны ученыхъ и художниковъ. И по заслугамъ: есть въ нихъ невыразимая какая-то прелесть, большая и трогательная красота. Сквозь внѣшнюю нескладность и упрощенность архитектурныхъ линій, явственно проступаетъ душа строителя—коренного природнаго сѣверянина, посильно пытавшагося передать въ своемъ созданіи волнующія его чувства и думы. И такая постройка иной разъ раскрываетъ передъ наблюдателемъ міросозерпаніе древне-русскаго чловѣка, его представленія о Богѣ и природѣ ничуть не менѣе отчетливо, чѣмъ многія страницы спеціальныхъ трудовъ и изслѣдованій.

А старыя помѣщичьи усадьбы! Развѣ онѣ не обладаютъ способностью рассказывать на своемъ языкѣ тому, кто интересуется прошлымъ, краснорѣчивыя, яркія повѣсти!

Верстахъ въ двадцати отъ Вологды, по Янгосорскому тракту, расположено Погорѣлое—родовое имѣніе одной изъ извѣстныхъ въ губерніи дворянскихъ фамилій. Со всѣхъ сторонъ за нѣсколько верстъ видно его, съ притулившейся каменной церковью и многодесятинымъ липовымъ паркомъ. Тамъ теперь только грачи гомозятся да лягушки жалобно квакають лѣтними ночами. Оголились раскидистыя вершины деревъ, заросла травой глубокая сажалка, подгнили бесѣдки и скамеечки. Дорожки и просѣки, когда-то старательно расчищавшіяся и носыпавшіяся песочкомъ, нынѣ обильно заросли кустарникомъ и мохомъ. Крапива, лопухъ, полынь, чертополохъ,—словомъ, всякая сорная трава, одинъ видъ которой оскорбителенъ для ревниваго содовничьяго глаза, невозбранно и безраздѣльно хозяйничаетъ на клумбахъ и куртинахъ, предавая забвенію дни, когда съ нею такъ незаслуженно-сурово боролись.

Господскій домъ, съ колоннами и мезониномъ, строгой, безупречной архитектуры начала прошлаго столѣтія, какъ нельзя болѣе гармонируетъ съ запущенной красотой стараго парка. Фундаментъ мѣстами осѣлъ, одно крыло похилилось, штукатурка облѣзла. Рамы зіяютъ чернотой, а тѣ немногія стекла, до которыхъ еще не добрался мѣткій камешекъ мимохожаго школьника, отливаютьъ всѣми цвѣтами радуги и еле пропускають тускляя полосы свѣта.

Внутри дома пустынно и жутко; лѣпные потолки почернѣли отъ плѣсени и дождевой воды; фигурный паркетъ покоробился. Мебель частью поломана, частью ра-

сташена. Одинокѣ стоятъ среди зала какія-нибудь точенныя кресла, съ рѣзьбой и сафьянной обивкой; за вѣтныи шифоньеръ съ выкладками изъ краснаго дерева, пузатое бюро, дубовыя столы—цѣлый музей старинной барской мебели, колченогой, облупившейся, искалѣченной.

Малѣйшій шорохъ гулко отдается въ огромныхъ парадныхъ комнатахъ, гдѣ гремяли когда-то полонезы и мазурки, гдѣ блистали изысканныя туалеты, гдѣ смѣялись и плакали, объяснялись въ любви и веселились со всѣмъ простосердечіемъ и искренностью невинныхъ душъ. Просторное «антрэ», „открытый буфетъ“ въ столовой, антресоли, спальныя покои, безчисленныя комнаты и комнатухи, чуланчики и сѣнцы—принадлежность широко-размахнувшейся, разлитанной, хлѣбосольной помѣщицъей русской жизни. Во флигелѣ библіотека; сквозь паутину стеклянныхъ дверецъ кокетливо выглядываютъ изящныя переплеты французскихъ классиковъ—тутъ и Мольеръ, и Шатобрианъ, и великіе философы-вольнодумцы. Русскихъ книгъ мало: все больше журналы да альманахи дней александровыхъ; неожиданно высовывается томикъ ранняго изданія Тургенева, одинокая книжка „Современника“, но имъ словно не по себѣ въ этой блестящей компаніи—они и сѣрѣе, и скромнѣе, да больше и пыли на нихъ.

Какъ ни богаты историческимъ матеріаломъ старинныя барскія усадьбы, однако иная крестьянская изба совершенно свободно можетъ съ ними въ этомъ отношеніи конкурировать.

Если вамъ случалось проходить долиной рѣки Лежи, вы, вѣроятно, не откажетесь признать, что въ обличьѣ этой округи есть что-то загадочное. Благодаря чему создается такое впечатлѣніе—трудно опредѣлить. Раньше

тамъ, въ неврѣстпныхъ лѣсныхъ заросляхъ, укывались цѣлыя толпы „странниковъ-бѣгуновъ“, бродили, учительствуя и проричая, „адаманы древяго благочестія“, складывались и утверждались оригинальнѣйшіе міровоззрѣнія и характеры. И совсѣмъ еще недавно на одной изъ мельницъ, въ „голбцѣ“, въ подпольѣ, спасался прославленный старецъ Логгінъ. Денно и ношно стоялъ онъ на молитвѣ со свѣчечкой, убѣгая грѣха и соблазна; выльзеть иной разъ на люди, потолкуеть маленько съ народомъ, да и руками всплеснетъ: „ой, говорить, моленья-то я что накопилы!“... И опять въ голбець, опять за кресты и молитвы.

Буть въ этой сторонѣ одинъ раскольничій начетчикъ, слава котораго немолчно гремитъ по всѣмъ прилегающимъ волостямъ. Въ писаніи онъ начитанъ и свѣдущъ, на богоугодныя дѣла подвиженъ; разговоромъ находчивъ и остеръ: горемычнымъ приходскимъ попамъ не разъ отъ него доставалось на орѣхи. Мудрено ли, что Господь взыскалъ его своею милостію; крестьянствуя въ потѣ лица своего, а подъ рукой поторговывая иконками, крестиками, богослужебными книгами, четками, зелеными фатами,—онъ сколотилъ себѣ небольшое состояннще и зажилъ не хуже людей.

Домъ у него ведется по старинѣ: какъ былъ при дѣдахъ да при прадѣдахъ установленъ крестьянскій обиходъ, такъ держится онъ и доселѣ, безъ отклоненій, нерушимо. Переступишь порогъ этого стараго раскольничьяго гнѣзда,—и сразу точно въ особый какой-то міръ попадаешь, міръ былого, отошедшаго невозвратно. Даже запахъ въ горницахъ, и тотъ словно не нынѣшній: тутъ и кожа, и мята, и свѣжія яблоки, и парной сотовый медъ, и кипарисовое дерево, и росный ладанъ, и огуречная трава, и еще что-то, чему нѣтъ имени, но что прямо крикомъ—кричитъ о старомъ-престаромъ „жильѣ“.

Въ концѣ корридорчика хитро заставленный разнаго рода скарбомъ проходъ въ молельню. Толстыя дерюжныя дорожки скрадываютъ звукъ шаговъ; дверь беззвучно подается при легкомъ нажимѣ. Въ комнатѣ полутьма; лампадка свѣтитъ передъ кіотомъ. Прямо отъ входа—древняго письма Деисусъ, по другимъ стѣнамъ двѣнадцать апостоловъ, въ углу Илья Пророкъ—фамильная драгоценность, на которую тщетно зарятся заѣзжіе любители старины. Столикъ—налой, покрытый чистымъ полотенцемъ; на окнахъ бутылки съ масломъ, свѣчи, лѣстовки, мѣдные складни, раскрытый, съ шелковой вкладкой, требникъ.

Гордость хозяина—книгохранилище; къ нему допускаются лишь немногіе избранники. Изъ поколѣнія въ поколѣніе, обогащаясь и расширяясь, передавалось оно, какъ зеница ока оберегаемое отъ гибельныхъ случайностей. Глаза разбѣгаются при видѣ этого огромнаго, до потолка, шкафа, биткомъ набитаго разныхъ форматовъ книгами и рукописями. Чего-чего здѣсь только нѣтъ! Минеи, Тріоди, Прологи, Кормчая, Кириллова, Маргерить, посланія аеонскихъ старцевъ, тетради съ нотами крюкового письма... По большей части, это—огромные фоліанты, въ кожаныхъ съ мѣдными застежками переплетахъ: любилъ большія поля старинный книгочій. И, очевидно, въ угоду его изнѣженному вкусу, на самомъ видномъ мѣстѣ красуется подлинное диво, на манеръ Царь-Колокола или Царь-Пушки: толковый псалтирь вѣсомъ въ тридцать девять фунтовъ...

Да, въ сущности, на любомъ крестьянскомъ дворѣ, коли порыться да покопаться, немало найдется всякой „досельщины“: одежда, украшенія, посуда, утварь, инструменты, орудія, нынѣ уже вышедшіе изъ употребленія.. Все это такъ, зря, валяется, мозолитъ глаза,

портится, пропадаетъ. И все это, конечно, могло бы въ другихъ условіяхъ оказать исторической наукѣ неоцѣнимыя услуги. Какія яркія картины стараго быта, во всѣхъ его подробностяхъ, могли бы быть воссозданы на основаніи этихъ источниковъ! Сколько неясностей въ нашемъ знаніи о минувшемъ могло бы быть, благодаря имъ, устранено!

Кончая говорить о вещественныхъ источникахъ историческаго знанія, я вынужденъ повторить то, что мною уже было однажды сказано: варварски мы относимся къ нашему прошлому!

За примѣрами ходить не далеко. Въ селѣ Кубенскомъ есть старинная церковь; знатоки утверждаютъ, что она представляетъ большую цѣнность въ архитектурномъ отношеніи. Но кубенскимъ патриотамъ она—бѣльмо на глазу. Помилуйте! Устьяна вона какую махину вывели: черезъ все озеро видно; новляна—еще того чище! А мы, кубяна, ровно въ полѣ обѣвки: вовсе у насъ противъ людей никудышная храмина...

И совсѣмъ ужъ было принялись не въ мѣру радивые строители за старую колокольню—«поднять» ее аршинчика на два было имъ желательно,—да, спасибо, вмѣшалась въ это дѣло ученая какая-то комиссія...

Намъ остается познакомиться съ третьей группой—устныхъ источниковъ.

Мы съ вами—обитатели деревенской глуши,—наблюдая народную жизнь, охотно сравниваемъ ее съ неподвижнымъ, застоявшимся болотомъ, которое, куда ни глянь, прямо за „отводами“, залегло вокругъ любой сѣверной деревушки. Правда, сходство это только кажущееся: застоя, неподвижности жизнь народа не знаетъ!

въ ея глубинахъ идетъ непрерывная ломка, вѣчная смѣна однѣхъ формъ другими, разрушительная и созидательная одновременно работа.

Но въ этой работѣ дѣйственное начало всегда сталкивается,—независимо отъ того, направлено ли оно въ сторону разрушенія или созиданія,—съ огромной, безличной задерживающей силой—силой традици, обычая.

«Обычай—деспотъ межъ людей». Велика его власть надъ человѣкомъ: передъ его велѣнiями часто безмолвно отступаетъ всякая другая сила. Тѣснымъ кольцомъ, со всѣхъ сторонъ, охватываетъ онъ человѣческое существованiе, сопутствуетъ человѣку, руководитъ имъ на всемъ протяженiи его жизни. У колыбели онъ бормочетъ беззубыми устами дряхлой бабки—повитухи: „ножки—ходушки, ручки—хватушки, ротокъ—говорокъ“... Передъ могилой напоминаетъ, что хоронить покойника въ досчатомъ гробу грѣшно: тамъ гвозди, а вѣдь ими Спаситель былъ ко кресту пригвожденъ. Другое дѣло—долбленая колода (Раменская вол.)...

Мягко вызваниваетъ колоколь въ Спасо-Сумориномъ монастырѣ. На зовы его тянутся по шоссе вереницы богомольцевъ. Съ трудомъ бредеть, тяжело переступая погами, согбенная, черная старица; ребятишки—школьники шумной ватагой, съ визгомъ и гвалтомъ, пронесутся мимо нея; всѣхъ подавляя своимъ величiемъ, труситъ на раскормленномъ меринѣ восьминудовое его степенство.

Въ храмѣ полно народу. Торжественно возглашаютъ священнослужители, стройно вторить имъ хоръ, усердствуютъ молящiеся, творя положенные кресты и молитвы.

А тамъ, поодаль, у самой раки Тотемскаго святителя, въ полумракѣ, чуть разсвѣяномъ мерцанiемъ надгроб-

ныхъ лампадъ, виднѣется рѣзко отличная отъ всѣхъ окружающихъ группа молящихся.

Сразу видно, что пришли они издалека. Увѣсистыя котомки на усталыхъ плечахъ; запыленная, худая одежда; ноги въ легкихъ берестяныхъ лапоткахъ или веревочныхъ „шдптаникахъ“. Въ рукахъ странничьи посохи— то изъ причудливо скрученнаго можжевеловаго корня, то въ видѣ „пѣшни“, возглавленной четвероконечнымъ крестомъ. Груды крестъ-на-крестъ препоясаны тяжелыми желѣзами веригъ; на головахъ „шапочки“—желѣзные обручи съ двумя перекрещенными дужками.

Въ позахъ страстное, ожидающее напряженіе; глаза невидящимъ взоромъ устремлены куда-то ввысь; беззвучно шепчуть молитвы запекшіяся, блѣдныя губы...

И вѣрно: это—дальніе. Каргополы, устюжане, кокшары, вельскіе, черевковскіе, никольчане; съ разныхъ концовъ сѣверной окраины сошлись они, покорствуя старинному обычаю—болящимъ искать облегченія у Θεодосія, возлагая на себя цѣльбѣносные его вериги и „шапочки“. Эти реликвіи, наравнѣ съ металлическими подвѣсками у Ноя Нраведнаго, до сихъ поръ занимаютъ почетное мѣсто въ созданной обычаемъ сѣверной народной медицинѣ...

Изъ-за лѣсу, лѣсу темнаго,
 Изъ-за садика зеленаго,
 Тутъ летитъ стадо гусиное,
 А другое лебединое,
 Отставала же лебедушка
 Отъ стада отъ лебединаго;
 Приставала же лебедушка
 Ко стаду къ сѣро-гусиному.
 Начали же гуси щипати,
 А лебедушка-то крѣчати:

„Не щиплите, гуси сѣрые,
 „Не сама я къ вамъ залѣтѣла,
 „Занесло меня погодою,
 „Погодою—вѣтрамъ буйными“... (с. Заднее).

Рѣкой разливается—плачетъ бѣлая лебедушка, а на фонѣ ея причитаній и „обидъ“ неспѣшной чредой разыгрываются свадебные обряды. Обычай сохранилъ старинную свадьбу до нашихъ дней почти въ неприкосновенности. Это — многосложное, временами глубоко трогательное, временами забавное дѣйство, требующее для своего совершеннаго выполненія специальныхъ навыковъ и опыта. Недаромъ свѣдующій дружка—этотъ свадебнаго дѣла инструкторъ—пользуется въ нашихъ мѣстахъ немалымъ почетомъ. Легко только сказать: „сыграй свадьбу“; а вотъ поди-ка—услѣди за всѣмъ, сообрази да обмозгуй. Одного народу сколько: тутъ и корминецъ-батюшка, и доброхотница-матушка, и братцы-соколики, и сестрицы любезныя, и милая божатушка, и подружки-голубушки: надо всѣхъ разсадить,—по родству, безъ обиды, улестить да уважить. Да это еще «полдѣла»: а вонъ тамъ, на полатяхъ да за печкой, размѣстились мрачныя фигуры неудачливыхъ соперниковъ жениха и ихъ пріятелей—съ этими шутки плохи. Хочешь-не хочешь, а имъ первая чарка, да еще не какъ-нибудь, а съ поклонами, съ почтительнѣйшимъ, ласковымъ титуломъ: «господа запѣчана и полатяна»...

Только-только здѣсь наладилось все какъ слѣдуетъ, а въ сѣняхъ гдѣ-то снова шумъ поднялся: подстерегли неосторожнаго свата красныя дѣвицы, окружили бѣднягу,—и давай ругательски его ругать:

Ты пошто ходилъ-усватывалъ,
 Да чужу сторону нахваливалъ?
 Не тебѣ бы, свату, сватати,

Да на печѣ бы въ углу сѣдѣти,
 Да рѣшетомъ бы сажу мѣряти.
 Налетите, черны вороны,
 Нанесите желѣзны бороны,
 Расчешите свату бороду... (д. Мынчаково).

Обычай—вырванная изъ книги о прошломъ страница. Нужно ли доказывать, какую цѣнность представляетъ онъ, какъ источникъ историческаго знанія!

Случалось ли вамъ когда-нибудь въ началѣ зимы, примѣрно около Кузьмы-Демьяна, предразсвѣтной порой, подходить къ деревнѣ? Тихо въ лѣсу, тихо на поско-тинѣ... А отъ овиновъ и бань, отъ „каузовъ“—трепаленъ издалека слышны звонкіе женскіе голоса: ленъ бабы треплютъ.

Такъ странно звучитъ дѣвичій смѣхъ въ печальномъ безмолвіи сѣверной ночи. Душа, настроенная значительно и строго, полна какихъ-то смутныхъ, неосознанныхъ предчувствій; она словно ждетъ чего-то въ этотъ блѣдный предутренній часъ.

И какъ бы въ отвѣтъ, откуда-то изъ глубинъ къ землѣ осѣдающаго, влажнаго тумана доносится жалобный, тренеющий звукъ. Еще и еще—и понеслась черезъ перѣгороды, черезъ пустынные лѣсныя кулиги надрывная, тоскующая мелодія:

Жавороночекъ на межѣ сидѣлъ,

Жалобу чинилъ на крестьянина,

На богатова, на оратова:

«Разоралъ крестьянинъ мою меженьку,

«Разорилъ крестьянинъ тепло гнѣздышко,

«Раскидалъ крестьянинъ малыхъ дѣтонекъ,

«По сырой землѣ, по разсыпчатой,

«По крапивушкѣ, по жигучею,

«По шипичничку, по колючему»...

Историкъ не можетъ равнодушно пройти мимо произведеній народной поэзіи. Не говоря уже о томъ, что они обычно густо насыщены слѣдами стараго быта, столь любезнаго сердцу историка,—въ нихъ очень законченно и полно выявляется самый духъ народа. А не понимая его, нельзя понять и многого въ прошлой жизни народа, въ его исторіи.

Разказы мѣстныхъ старожилловъ также представляютъ нѣкоторый интересъ съ точки зрѣнія исторической науки; правда, данныя, получаемыя на основаніи этого источника, нуждаются въ особенно тщательной провѣркѣ, но за всѣмъ тѣмъ совершенно отрицательно къ нему относиться было бы непростительной ошибкой. Очень часто, особенно у насъ, при слабомъ развитіи печати, тотъ или иной фактъ, самъ по себѣ значительный и важный, остается нигдѣ, кромѣ народной памяти, не отмѣченнымъ; устный разказъ—единственная возможность познакомиться съ нимъ.

Въ с. Усть-Куломѣ, Устьсысольскаго у., среди мѣстнаго населенія держится преданіе о томъ, что при вступленіи на престолъ Николая I, въ Усть-Куломѣ явился какой-то человекъ, убѣждавшій крестьянъ не присягать Николаю. Подъ его вліяніемъ крестьяне отказались отъ присяги. Властями произведено было дознаніе,—непокорные зачинщиковъ не выдали, говоря, что всѣ они дѣйствуютъ заодно. На вопросъ же, откуда имъ вѣдомо, что не Николаю надобно присягать, а Константину, они не отвѣчали ничего. Въ связи съ этимъ, будто бы, произведена была кровавая расправа.

Не знаю, провикли ли въ свое время въ печать, или, по крайней мѣрѣ, сохранились ли въ нѣдрахъ полицейскихъ архивовъ хоть какія-нибудь свѣдѣнія объ этомъ событіи. А что оно представляетъ историческій

интересъ, этого вы не станете отрицать. И если бы кто-нибудь своевременно озаботился разузнать объ этомъ дѣлѣ поподробнѣе, поразспросить стариковъ,—быть можетъ, его участниковъ,—свѣрилъ и записалъ бы ихъ рассказы,—у насъ подъ руками былъ бы весьма цѣнный и вполне достовѣрный историческій фактъ. Было ли это кѣмъ-либо сдѣлано?

Мнѣ хотѣлось бы указать вамъ еще на одинъ источникъ историческаго знанія—народный языкъ. Вы знаете, что онъ не представляетъ собой чего-либо неподвижнаго; напротивъ, онъ непрерывно измѣняется, развивается, обогащается новыми формами. Каждый изъ васъ можетъ насчитать не одинъ десятокъ совсѣмъ новыхъ, совсѣмъ недавно вошедшихъ въ употребленіе словъ и выраженій. Можетъ быть, кое-кто даже самъ пускалъ въ оборотъ показавшееся ему удачнымъ словечко, можетъ быть, оно даже, что называется, „привилось“ и пошло гулять по бѣлу-свѣту, заслуживъ всеобщее признаніе и утративъ всѣ слѣды своего первоначальнаго происхожденія.

Слова живучи: разъ зародившись, они, если только они „въ духѣ языка“,—держатся долго и упорно. Иногда успѣваетъ исчезнуть даже самое явленіе, которымъ то или иное слово было порождено, а оно, это слово, все живетъ да живетъ, переходя на предметъ, въ какомъ-либо отношеніи близкій первоначальному. Новгородская земля въ старые годы знала земельную мѣру—„выть“. Теперь такой мѣры не существуетъ, но самое слово осталось. Въ Васьяновщинѣ (Кадник. у.) „вытью“ называется вообще доля, участокъ земли („повытокъ“ то жъ), а въ Сольвычегодскомъ у. имя это принадлежитъ уже загороди, окружающей земельный участокъ. Какъ видите, чѣмъ дальше отъ Новгорода, тѣмъ большая разница въ смыслѣ.

Языкъ сѣверянина въ особенности богатъ старинными словами и оборотами. „Имѣшь“ (станешь), „обильѣ“ (урожай), „уповодъ“ (часть рабочаго дня), „гѣны“ (земельная мѣра),—эти полузабытыя словечки изъ словаря нынѣшнихъ старичковъ и старушекъ,—нѣкогда пользовались широкимъ распространеніемъ. А устьянскій краснобай, набивъ полны карманы ядреной молоденькой рѣпой, и донинѣ еще совсѣмъ по-прадѣдовски похваляется передъ товарищами: «гляньте, рѣпы-то у меня! Ъси да ѣси, да дѣвкамъ даси, да на гривенникъ продаси, да опять ѣси»...

Народный языкъ—вѣрный союзникъ историка; благодаря его услугамъ нерѣдко достигается возможность твердо установить то или иное историческое положеніе, до сихъ поръ не поддававшееся уясненію. Такъ, въ началѣ настоящей лекціи, я уже имѣлъ случай вскользь указать на имена собственные: въ смыслѣ «вещей обличенія невидимыхъ» они иногда представляютъ большую цѣнность, сохраняя въ себѣ напоминаніе о явленіяхъ давно исчезнувшихъ. Развѣ, напримѣръ, названіе церкви въ одной изъ деревушекъ Вологодскаго уѣзда—«Воскресенская Подкубенская, что у государя на сѣняхъ»—не наводитъ насъ съ вами на совершенно опредѣленныя догадки?

....По рѣкѣ Лостѣ, на границѣ Вологодскаго и Грязовецкаго уѣздовъ, расположена небольшая деревенька Михалево. Была у тамошнихъ крестьянъ пустошь,—Тимово называлась. Пришли два мужика, невѣдомо съ которой стороны; поставили міру четверть водки—пустошь эта отошла въ полное ихъ владѣніе. Выросла новая деревня. И имя за ней осталось прежнее, по пустоши: Тимово. Удареніе только измѣнилось.

Когда-то, въ незапамятныя времена, на этомъ самомъ мѣстѣ стоялъ уединенный монастырь—еще и теперь видны полузасыпанныя, заросшія печища. Да народная память сохранила о немъ воспоминаніе въ названіи—„Монастырскій Лугъ“.

Каждый годъ по этому лугу проходитъ мужицкая коса; каждый годъ на одно и то же смотрять и никакъ не надивятся косари: тамъ, гдѣ слабые остатки прежняго рва заставляютъ предполагать существованіе монастырской ограды.—вырастаетъ трава чуть не по поясъ, не въ примѣръ сочнѣе и свѣжѣе окружающей. Такъ въ глаза и бросается этотъ яркій изумрудный островокъ.

Старые люди видятъ здѣсь благословеніе Божіе; естествоиспытатель найдетъ объясненіе въ дѣйствии непреложныхъ закоповъ природы. Мы съ вами, пытающіеся подойти къ вещамъ съ историческимъ настроеніемъ, можемъ взглянуть совсѣмъ по-иному. Для насъ эта буйная растительность явится живымъ символомъ связи настоящаго съ прошлымъ. дня нынѣшняго съ тѣмъ, что ушло и уже никогда не вернется.

Люди живутъ и умираютъ, страдаютъ и трудятся. Поколѣнія смѣняются поколѣніями, создаются новыя культурныя формы, новые интересы, новыя стремленія. Но прошлое,—казалось бы, навсегда изжитое,—не исчезаетъ безслѣдно. Оно питаетъ своими соками свѣжіе молодые побѣги, даетъ имъ силу и крѣпость и красоту.

Сознаніе этой связи должно пріобрѣсти въ нашихъ глазахъ большой, радостный смыслъ. Мы должны понять, что право наше на жизнь выстрадаано за насъ предыдущими поколѣніями, что каждое, даже самое незначительное наше благополучіе построено на костяхъ тѣхъ, кто страдалъ и боролся до насъ.

А если это такъ, то и наше съ вами существованіе не должно и не можетъ остаться бесплоднымъ, неоправданнымъ. Человѣкъ имѣеть высокое назначеніе—осуществлять на землѣ дѣло любви и правды. И чѣмъ полнѣе проникнется онъ вѣрой въ это назначеніе, вѣрой въ то, что жизнь не „пустая и глупая шутка“, а трудный, большого мужества требующій подвигъ, тѣмъ смѣлѣе пойдетъ онъ навстрѣчу суровой борьбѣ, тѣмъ легче способенъ онъ вынести всю горечь, всю тоску, всю муку, неизбежную на пути къ осуществленію великихъ общечеловѣческихъ идеаловъ.

Высшую силу въ себѣ созная,
 Что жъ тосковать о ребяческихъ снахъ!
 Жизнь только подвигъ,—и правда живая
 Свѣтитъ безсмертьемъ въ ислѣвшихъ гробахъ.

Наука, знаніе—и есть та могущественная сила, которая поможетъ намъ раскрыть для себя эту живую, безсмертіемъ свѣтящуюся правду.
